
МУРЗИЛКА
№ 9
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
СЕНТЯБРЬ
1953

ВЛАДИМИР СТЕПАНЕНКО

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ДЕСЯТЬ ВЕТОЧЕК

Первоклассница Лютфи научилась считать до десяти. Она не сразу поняла, как это произошло, а когда поняла, радостно собрала рассыпанные на чёрной крышке парты свои десять палочек для счёта и перевязала их красной шёлковой ниточкой. Эти палочки выстругал для неё старший брат.

Лютфи нетерпеливо стала вертеться на своём месте, смотря по сторонам светлого класса. Слева — большие окна. Лютфи тотчас сосчитала их — раз, два, три, четыре, пять. Пять окон. Справа — плакаты и географическая карта нашей Родины. Лютфи сосчитала плакаты — один, два, три. Прибавила к ним карту — всего стало четыре. В классе висят две лампочки. «А в школе, — подумала Лютфи, — всего пять классов». Две лампочки, да к ним прибавила ещё две, да ещё... Она наморщила брови и тут же решила эту задачу: «Значит, всего десять лампочек!»

С этого момента мир для Лютфи открылся в новом свете, и всё, что раньше она не замечала, теперь, оказывается, имело свой счёт.

Где-то в коридоре раздался электрический звонок.

Лютфи подхватила свою ковровую сумочку с букварём и тетрадкой в косую линейку и выбежала из школы. Она не стала ждать своего товарища Сапара. Он жил рядом с ней, и они всегда возвращались вместе. Сегодня ей хотелось побыть одной, чтобы вдоволь насладиться своим уменьем считать.

Она обежала вокруг здания школы и быстро сосчитала все окна и все двери. Школу недавно построили, и земля вокруг саманных стен была забрызгана мелом.

В этом колхозе было всё новое. Школу, правление колхоза и дома в посёлке жители построили, переселившись на новые земли.

Лютфи легко бежала по пыльной дороге.

Маленький ключик от дома, привязанный к ленте одной косички, бил по спине. Она остановилась и перекинула косичку через плечо.

За правлением колхоза, перед виноградником, начиналась аллея молодых тополей. Их посадили совсем недавно.

Лютфи пошла вдоль аллеи, считая про себя деревья:

— Раз, два, три, четыре... десять...

Она несколько раз насчитывала до десяти, а деревьям всё не было конца. Лютфи остановилась и открыла свою сумочку. Достала из неё перевязанные красной шёлковой ниточкой палочки для счёта и подумала: «Зачем они мне? Я ведь научилась считать... Обойдусь без них!»

Лютфи размахнулась и далеко от себя бросила палочки. Через минуту её взяло сомнение. А не разучилась ли она считать? Не напрасно ли она выбросила свои палочки? Она попробовала их найти. Но среди жёсткой травы и колючек отыскать палочки было невозможно.

— Ну и что ж! — сказала громко Лютфи, чтобы успокоить себя. — Вот возьму и наломаю веточек от тополя.

Она обламывала веточки и считала про себя:

— Одна, две, три, четыре... — и только готовилась сказать «десять», как вдруг за её спиной громко крикнул Сапар:

— Теперь я знаю, какая коза деревья обламывает! Расскажу, расскажу Оразгельды!

Радостное настроение Лютфи сразу пропало. «Неужели он скажет? — подумала она с беспокойством. — А ещё мой товарищ!»

Она поняла, что совершила плохой поступок, но не знала, как исправить его.

— Сапар, я не хотела ломать деревья. — Лютфи замолчала и потом тихо добавила: — Я потеряла свои палочки для счёта.

Сапар посмотрел на Лютфи, поправил на голове большую чёрную папаху и с чувством нескрываемого превосходства сказал:

— Эх, ты! Кто же из веточек делает палочки? Козы, и те знают, каждая веточка — это посадочный материал.

— Посадочный материал?! — повторила за Сапаром в ужасе Лютфи. — «А я их ломала!» Её глаза расширились от страха, когда она подумала о старом садовнике Оразгельды.

Оразгельды любили все ребята. Когда созревал виноград, он всегда пускал их в сад.

— Пришли пастись? — спрашивал Оразгельды и срезал для ребят огромные кисти винограда.

— Я совсем ненарочно, — сказала Лютфи Сапару, вспомнив, какой вкусный виноград она ела у Оразгельды.

— Ты ведь научилась считать! Зачем тебе палочки?

— Я боюсь, что разучусь...

— Дурочка ты, — Сапар громко засмеялся. — Чему научилась — это не забудешь!

Он замолчал и, уставившись на Лютфи, вдруг спросил:

— А что теперь делать с веточками?

— Не знаю. — Лютфи стала теребить полу своего халата. — Десять веточек... Может быть, посадим около нашей школы? — робко сказала она. — Может, они там примутся?

— Здорово придумала! — сказал Сапар, с удивлением поглядев на Лютфи. Он

не ожидал, что Лютфи может придумать что-то дельное. — И веточки не пропадут, и наш пришкольный садик станет больше!

Он схватил Лютфи за руку, и они побежали к школе. Маленький ключик больно бил Лютфи по спине, но она не обращала на него внимания.

Около школы, в маленьком школьном саду, Сапар острым ножичком срезал концы веточек и выкопал ямки.

Лютфи сама поставила в каждую ямку по одной веточке. Когда она сажала десятую веточку, вдруг вспомнила свой класс: «У нас много мальчиков и девочек. Если никто не болеет, то в класс приходит тридцать человек!»

— Сапар! — громко позвала она. — Если каждый мальчик или девочка посадят по десять веточек, это сколько будет? — Её чёрные глаза заблестели, как два уголька.

Сапар не хотел показать, что не умеет складывать такие большие числа, и наморщил лоб, сбил папаху на затылок. Но сколько он ни думал, так и не ответил. Потому что он, так же как и Лютфи, умел считать только до десяти.

Ребята убежали к арыку за водой, чтобы полить саженцы. А когда вернулись, то увидели около веточек старого садовника Оразгельды.

Оразгельды стоял на корточках, распахнув халат, и поправлял веточку.

У Лютфи от испуга затряслись руки, и она расплескала воду в пиале.

— Дай сюда воду, — сказал Оразгельды и стал поливать будущие деревца.

Лютфи испуганно посмотрела на Сапара. Что-то ей будет за эти веточки?

Но старый садовник не сердился. Он улыбался и глядел на ребят добрыми глазами.

— Оразгельды, — спросила тогда Лютфи, — если каждый мальчик и девочка из нашего класса посадят по десять веточек, сколько будет?

— Триста веточек, моя девочка! — сказал Оразгельды. — Только деревья ломать не надо, у меня есть саженцы. Пускай каждый из ребят посадит по десять веточек. Большой, хороший сад будет около школы... Весной ваши деревца будут радовать вас свежей зеленью, а летом защитят вас от жары и зноя.

— И мои веточки тоже будут радовать нас, — шепнула Лютфи Сапару, — и защищать от зноя. — И счастливо улыбнулась.

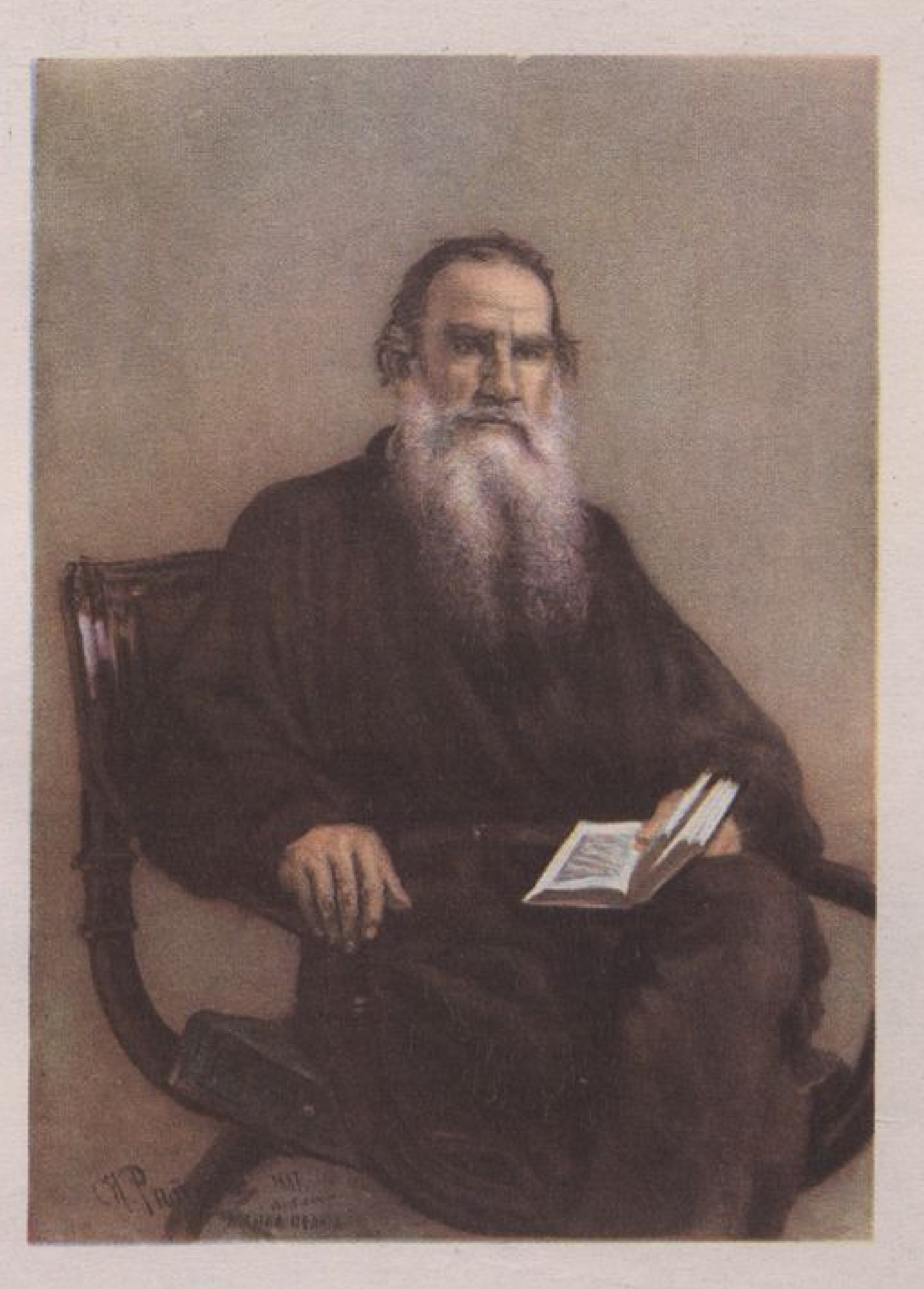
Л. Н. Толстой

В самой большой библиотеке и в самой маленькой, на книжной полке колхозной избы-читальни, на письменном столе учёного и в сумке первоклассника — везде ты найдёшь книги великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Его знают все люди на земле. Его книги выходили почти на всех языках земного шара.

Трудно поверить, что Толстой родился давным-давно — сто двадцать пять лет назад. Кажется, что он живёт и работает и сейчас.

Он живёт в своих замечательных романах, повестях и рассказах. Когда читаешь их, будто видишь людей, которых он описывает, видишь выражение их лица, блеск их глаз, слышишь их речь. Ты убеждён, что такие люди на самом деле существовали.

Его книги читают и стар и мал. Маленькие ребята учатся по его рассказам для детей читать. «Хве-и — хви...» — складывают они по слогам вместе с бедовым Филипком.

Лев Толстой написал много книг. Он с гневом описывал праздную жизнь богачей и с болью трудную, подневольную жизнь крестьян в России до революции.

— Не зная Толстого, нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком, — говорил другой великий русский писатель — Максим Горький.

Если ты живёшь в Москве, ты можешь пойти в дом-музей Толстого и посмотреть, как жил и работал Толстой.

Если ты живёшь в Туле, ты можешь поехать в Ясную Поляну и побывать в доме, где много лет прожил Толстой и где он написал свои лучшие книги.

Но если ты живёшь далеко от Москвы и от Тулы, ты можешь просто взять книгу Толстого. Начнёшь читать, и ты словно наяву увидишь яркие картины из прошлой жизни русского народа и услышишь ясный, мудрый голос величайшего русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ФИЛИПОК

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже итти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух.

Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал он думать, что ему делать. Назад итти — опять собака заест, в школу итти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу.

В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он

посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтобы пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы. а Филипок их уж знал и немного читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и — хви, ле-и — ли, пе-ок — пок.

Все засмеялись.

— Молодец!—сказал учитель.—Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка! Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель остановил его и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами, и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь, и лишние кусты, и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья тополь и черёмуха. Тополь идёт от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный, в два обхвата, тополь. Вокруг него была полянка, она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было веселее, а главное, мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал — все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землёй их сочные коренья, как потом вчетвером мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополёк. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот: когда я рубил их, старый тополь уж умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это, и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить — и побил всех его детей.

АКУЛА

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и, точно из топленой печки, несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «купаться!», и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика.

Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «акула!», и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

«Назад! назад! вернитесь! акула!» закричал артиллерист. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услыхали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик. Старый артиллерист открыл глаза, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

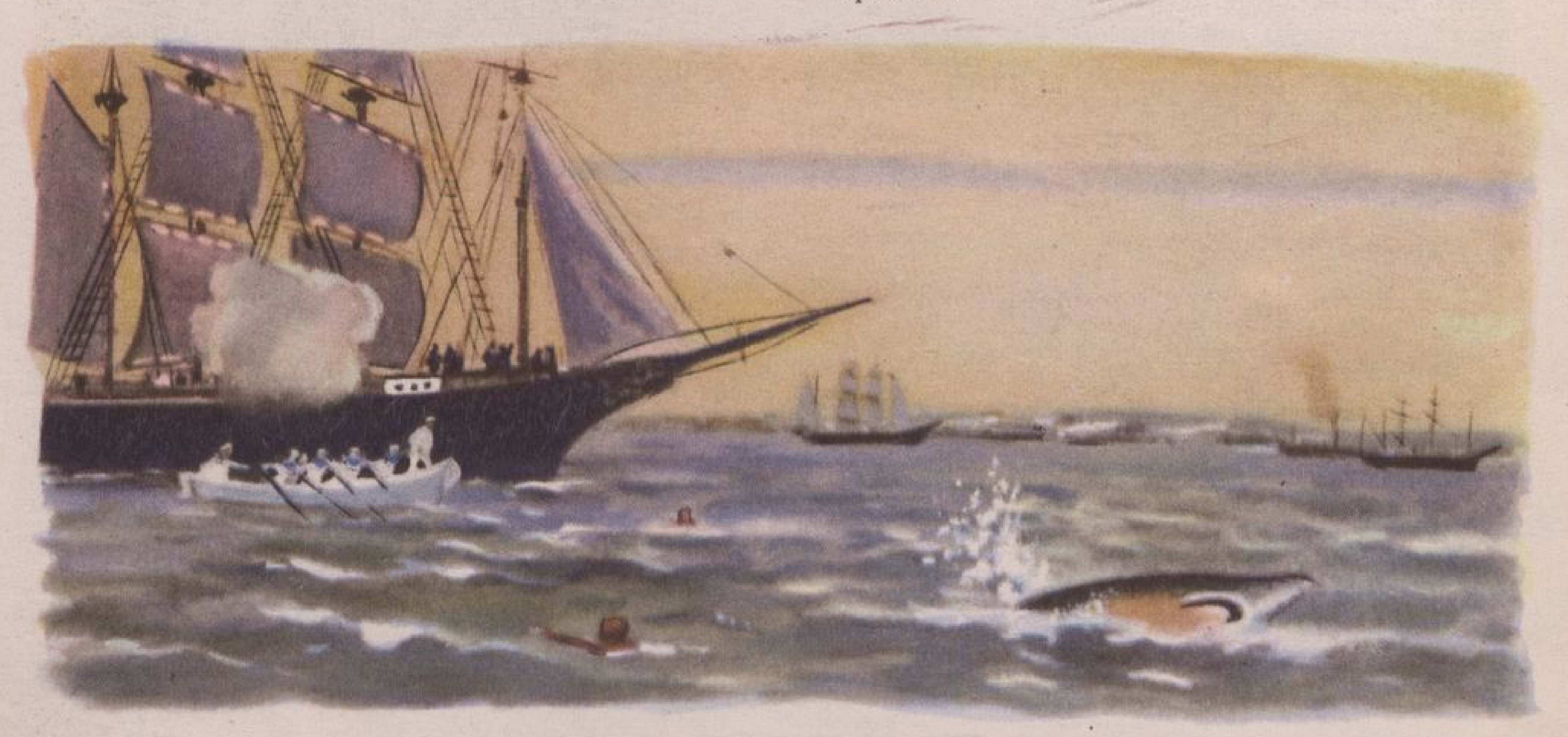
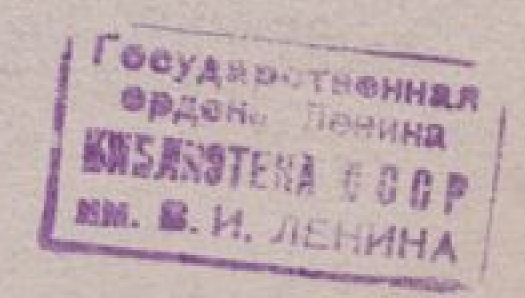

Рис. К. КАЩЕЕВА

Подарки школе.

ПРО КАЛОШИ

Если дождик нежданный
Зашумит за окном
И моря-океаны
Разольются кругом,

Пусть потоп настоящий,
Но повсюду пройдёшь
В паре новых,
Блестящих,
Вездеходов-калош!

Катя встала со стула —
Время в школу итти —
И в калоши нырнула
У дверей по пути.

Через глину и воды
Держат путь вездеходы.

Но они почему-то
Перестали сверкать,
А потом почему-то
Стали просто спадать.

Почему-то калошки
Ставят Кате подножки!

Катя быстро шагает,
А они отстают.
А они отстают
И к земле пристают.

Лужи глубже и шире,
От дождя всё в кругах.

Не калоши —
А гири
У неё на ногах.

Время быстрое мчится,
Скоро будет звонок,
Но нельзя ученице
Опоздать на урок!

Вот она возле ивы
Вдруг калоши сняла.
В руки их торопливо,
Аккуратно взяла.

Словно путь ей открыли —
Побежала стрелой.
Сразу выросли крылья
У неё за спиной.

Прямо к школе Катюша
Припустилась бегом.
Где почище,
Посуше,
Мимо лужи бочком.

Входит девочка в школу,
Держит пару калош,

Пару грязных,
Тяжёлых
И таких невесёлых,
Что смотреть невтерпёж!

Катю просят к доске.
Мел мелькает в руке.

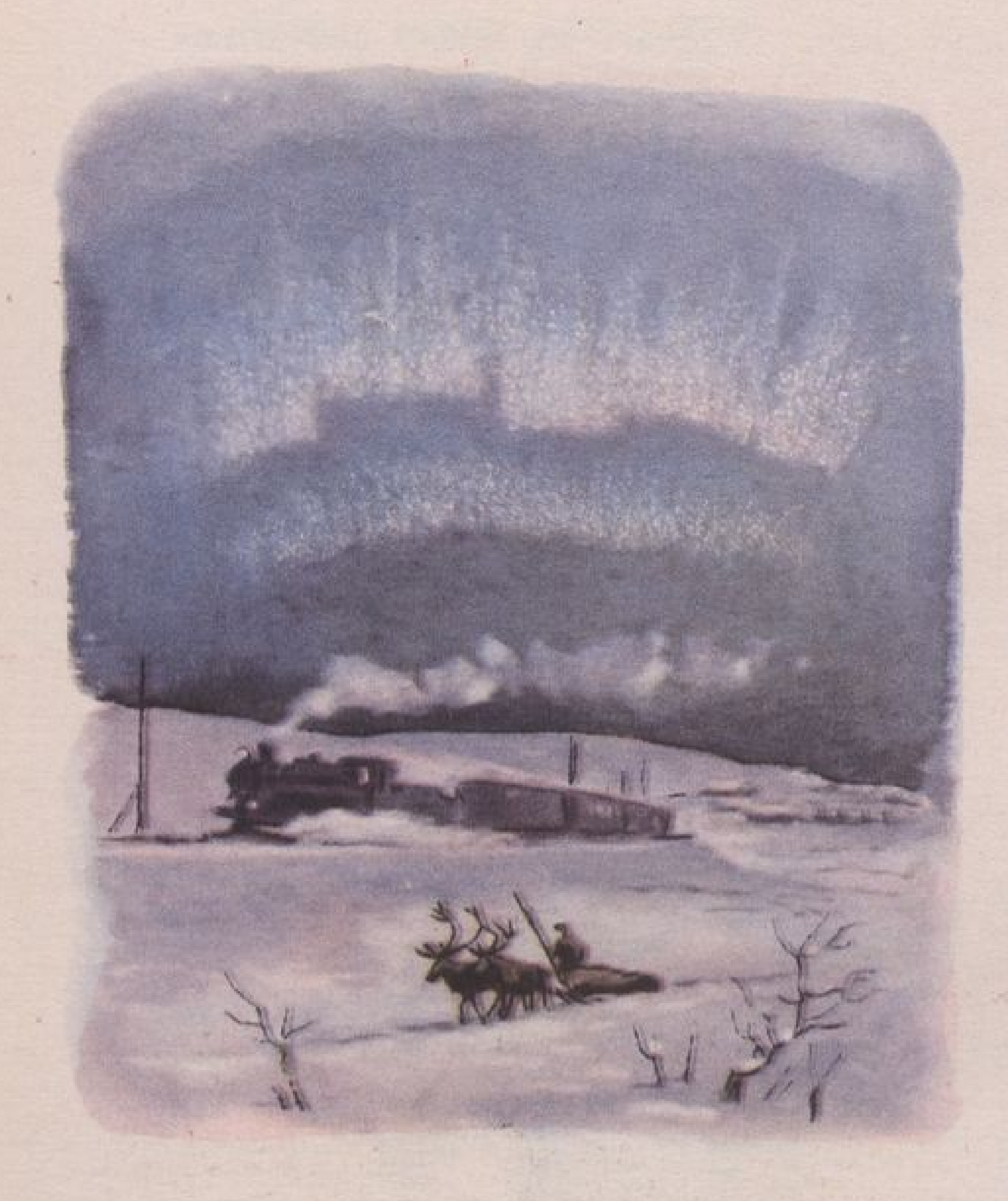
Ей задачка знакома,
Катя верно решит...

А тем временем дома
Брат на поезд спешит.

Долго ль брату собраться:
Встал —
И к двери пошёл.
Стал в сенях одеваться,
Но калош —
Не нашёл.

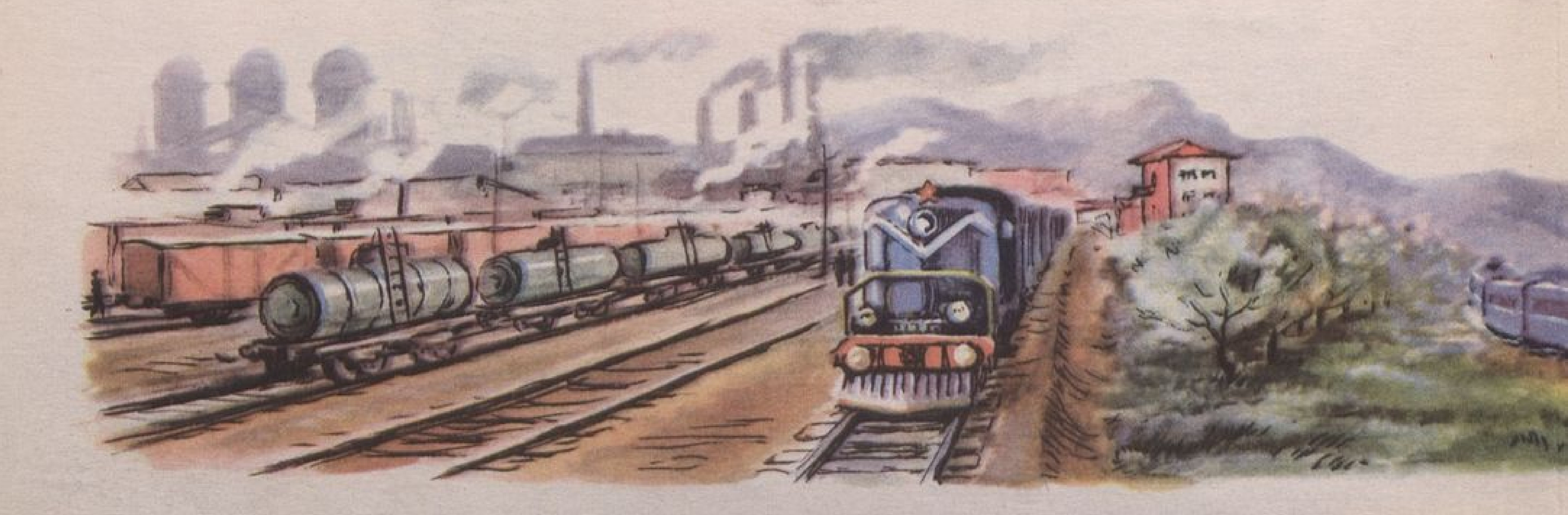

С юга на север, с запада на восток пересекают нашу страну стальные ленты железных дорог. По дорогам спешат в разные концы Советского Союза поезда. Ты, вероятно, не раз ездил в поездах, а если и не ездил, то уж, конечно, видел их. Но то, что локомотивы, — так называются машины, которые тянут за собой вагоны, — бывают разные, ты, может быть, и не знаешь.

Посмотри внимательно на наш рисунок.

Вот электровоз — у него на крыше прикреплена двойная дуга, которой он упирается в провода. Электровоз движется при помощи электричества, так же как городской трамвай. А громадная топка паровоза «Иосиф Сталин» заполняется каменным углем. Есть у нас и тепловозы — они работают на нефти, и газогенераторы — их топят торфом или, как обыкновенную печку, дровами.

Теперь ты можешь спросить: зачем столько разных локомотивов? Не лучше ли, если будут только электровозы или па-

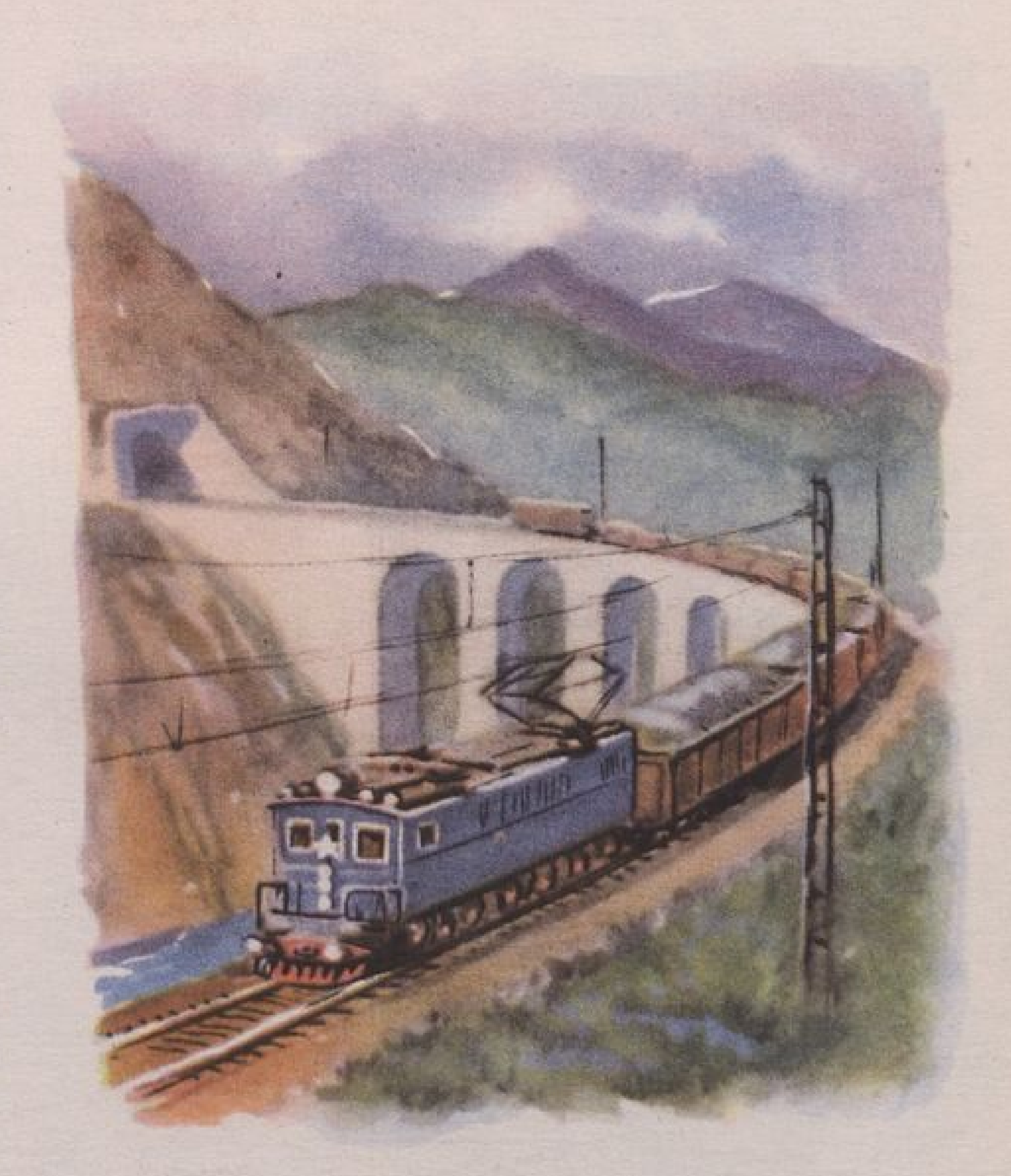

ровозы? Оказывается, нет. И вот почему. Там, где много угля, например на Украине или в Средней Азии, ходят паровозы. Они ведь питаются углем. А в Азербайджане много нефти — вот там и нужен тепловоз.

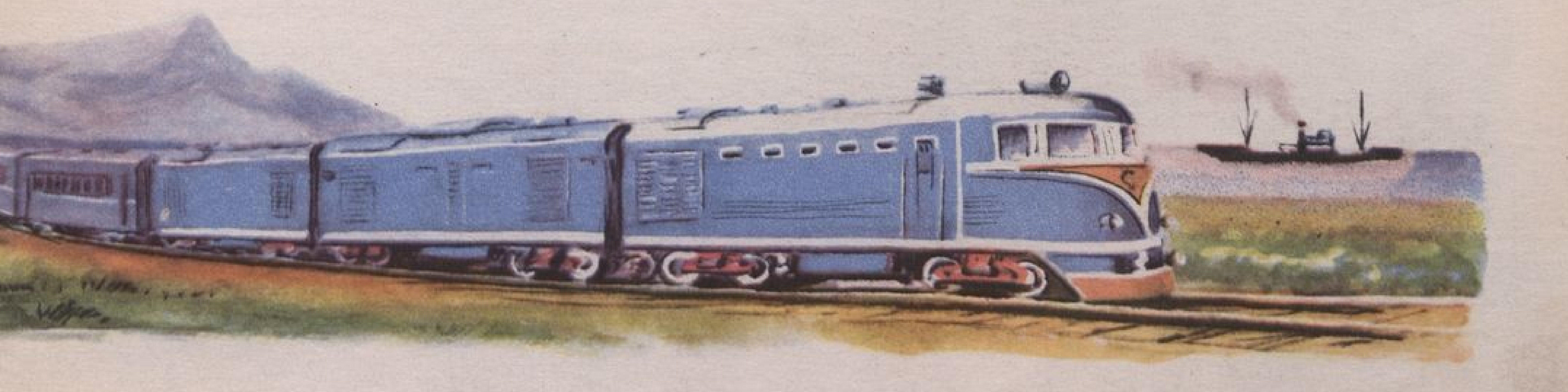
В местах, где советские люди преградили плотинами быстрые реки, где много дешёвой электроэнергии, там побежали электровозы.

«Тук-тук-тук-тук...» — разносится торопливый перестук колёс. «У-у-у!» — раздаётся над полями, над лесами паровозный гудок. Это сибирскими просторами, между вековых сосен, через тайгу летит экспресс «Москва — Пекин» — поезд дружбы двух великих народов — советского и китайского.

Бегут поезда в далёкую Якутию, и в Чехословакию, в столицу Польши — Варшаву, в леса Карелии, в солнечную Молдавию и в обновленный Будапешт.

Кипит жизнь в нашей стране. К новым городам прокладываются новые железные дороги, а новые поезда повезут туда машины для заводов, книги для учёных, учебники и тетради для школьников и многие-многие другие вещи.

С. МОГИЛЕВСКАЯ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ЗЕЛЁНАЯ КНИЖКА

Глава из повести „Чапаёнок"

Это рассказ про маленького бойца Чапаевской дивизии—Митю, которого бойцы ласково и в шутку прозвали Чапаёнком.

Когда началась гражданская война, отец Мити пошёл в Красную Армию и вскоре был убит. А мать у Мити умерла ещё раньше. Вот и остался мальчик один.

Случилось так, что Митя встретил товарища Чапаева и стал бойцом в его отряде. Сначала Митя был кашеваром и помогал стряпать, а потом его зачислили в конную разведку.

История с зелёной книжкой началась осенью 1918 года.

Вечером чапаевцы заняли большую богатую станицу. Белые войска зацепились здесь крепко, и бой длился целый день. Когда затихли грохот орудий и пулемётная трескотня, в станицу вошла конная разведка, где находился Митя.

Верховые спешились возле большого дома под железной крышей. Видно, здесь жил какой-нибудь кулак-богатей.

— Коней постереги, Митя, — сказал мальчику разведчик Алексей Новиков, его боевой друг. — А мы посмотрим, что и как... Пожалуй, под штаб пригодится дом...

Звеня шпорами и стуча подкованными железом каблуками, Алексей с разведчиками вошли в дом.

Вдруг окно большого дома с треском распахнулось и что-то тяжёлое упало к Митиным ногам.

В окне показался Алексей.

— Погляди, Чапаёнок! Кажись, интересная книга! — крикнул он Мите.

Митя поднял книгу в зелёном переплёте, повертел, полистал гладкие атласные страницы и уже хотел бросить. Зачем ему книга? Ведь читать-то он всё равно не умел.

И тут он увидел картинки, красивые, яркие, раскрашенные. На одной в каких-то диковинных непонятных одеждах, верхом на конях мчались люди и кололи друг друга острыми пиками. А на другой лихой всадник в коротких, выше колен, штанах пускал из громадного лука стрелу.

Первый раз в жизни Митя держал в руках книгу. А уж с такими картинками и с золотыми буквами никогда в глаза не видывал!

С этого дня никому не стало житья от Мити. Захотелось мальчику прочитать зелёную книжку.

— Нет, ты скажи, — пристанет он к Алексею (тот был немного грамотен):— на жука похожая — это какая буква?

— «Ж» и есть, — отвечал Алексей.

— А две палки стоят прямиком, а между ними перекладина? Ну, вроде скамейки?

— «Н»... нос... Понимаешь?

— Понимаю, — шепчет Митя. — Нос, ноченька, неволя...

Так, букву за буквой стал складывать Митя слова, за словами — фразы, и пошёл читать. Да так ходко, что бойцы только дивились, какой у них грамотей растёт!

Первыми он разобрал блестевшие золотом слова на зелёном переплёте: «Приключения благородного рыцаря Робин Гуда».

Ничего эти слова не объяснили Мите, только разожгли охоту узнать, что написано в зелёной книге.

Бывало ночью на привале спят бойцы. Только кони у костров пофыркивают. А Митя вылезет из-под обозной телеги и с книгой — к огню.

— Ты что, Чапаёнок? — подойдёт к нему дневальный. — Ровно дьячок шепчешь... Молитвы учишь?

Митя только головой покрутит: какие там молитвы! Не мешай, мол, про Робин Гуда читаю.

Однажды, дело было поздней осенью, чапаевцы залегли в степи. Всюду грязь, холод. Издали нет-нет, где-нибудь бабахнет выстрел. Недалеко белые...

А Митюшке всё нипочём. Выбрал местечко посуше, пристроился, книгу от дождя укрыл и давай читать. Уткнулся в книгу, и видится ему, как смелый Робин Гуд сзывает всех голосистым рожком: «Ко мне! Ко мне! Ко мне, смелые мои воины! За простой люд идём в бой!..»

Так замечтался Митя, что не слыхал, как товарищ Чапаев к ним в часть прискакал. Уже бойцы друг другу шепчут, передают: «Чапай идёт! Ребята, вон Василь Иваныч, Чапаев наш...» — Только Митя не слышит и не знает.

Вдруг кто-то остановился перед ним. Стоит — и ни с места. Свет заслоняет. А свет ведь совсем тусклый, осенний.

— Не мешай, — сердито буркнул Митя и легонько оттолкнул стоявшего перед ним человека. — Проходи, не задерживайся...

И тут услышал Чапаёнок знакомый голос:

— Вот, вот, и я так же! Всё в окопах читал. Возьму книгу, уткнусь и всё читаю, читаю...

Митя вскочил.

— Василь Иваныч... Товарищ Чапаев!

— Ничего, ничего, браток, читай! Выдался часок-другой потише, не зевай,

учись... Советской власти нужны люди грамотные.

Но прочесть книгу до конца Мите так и не пришлось.

По приказу командира конные разведчики отправились посмотреть, нет ли где поблизости белоказачьих разъездов.

Ускакали они на рассвете, а вернулись обратно уже в сумерки.

— Пока вы там на разведке были, — встречают их такими словами, — у нас тут лихое дело приключилось. Налетело казачьё! Пять подвод угнали...

Чапаёнок накормил, напоил, почистил коня и отправился в обоз за книжкой. Он её в вещевом мешке держал, на телеге. Хвать, а подводы и нет! Как раз с книжкой подводу угнали. Митя так расстроился, что заплакал.

— Эх, ты! А ещё Чапаёнок! По вещам вздумал реветь, — рассердился на него Алексей Новиков.

— Разве я по вещам? — крикнул Митя. — О книге я... Ведь не успел дочитать... Теперь её на курево раздерут...

А на следующий день товарищ Чапаев уезжал в Москву на учёбу в Военную академию. Такой вышел приказ — ехать ему учиться.

Было это в конце ноября. Провожали Чапаева всей дивизией.

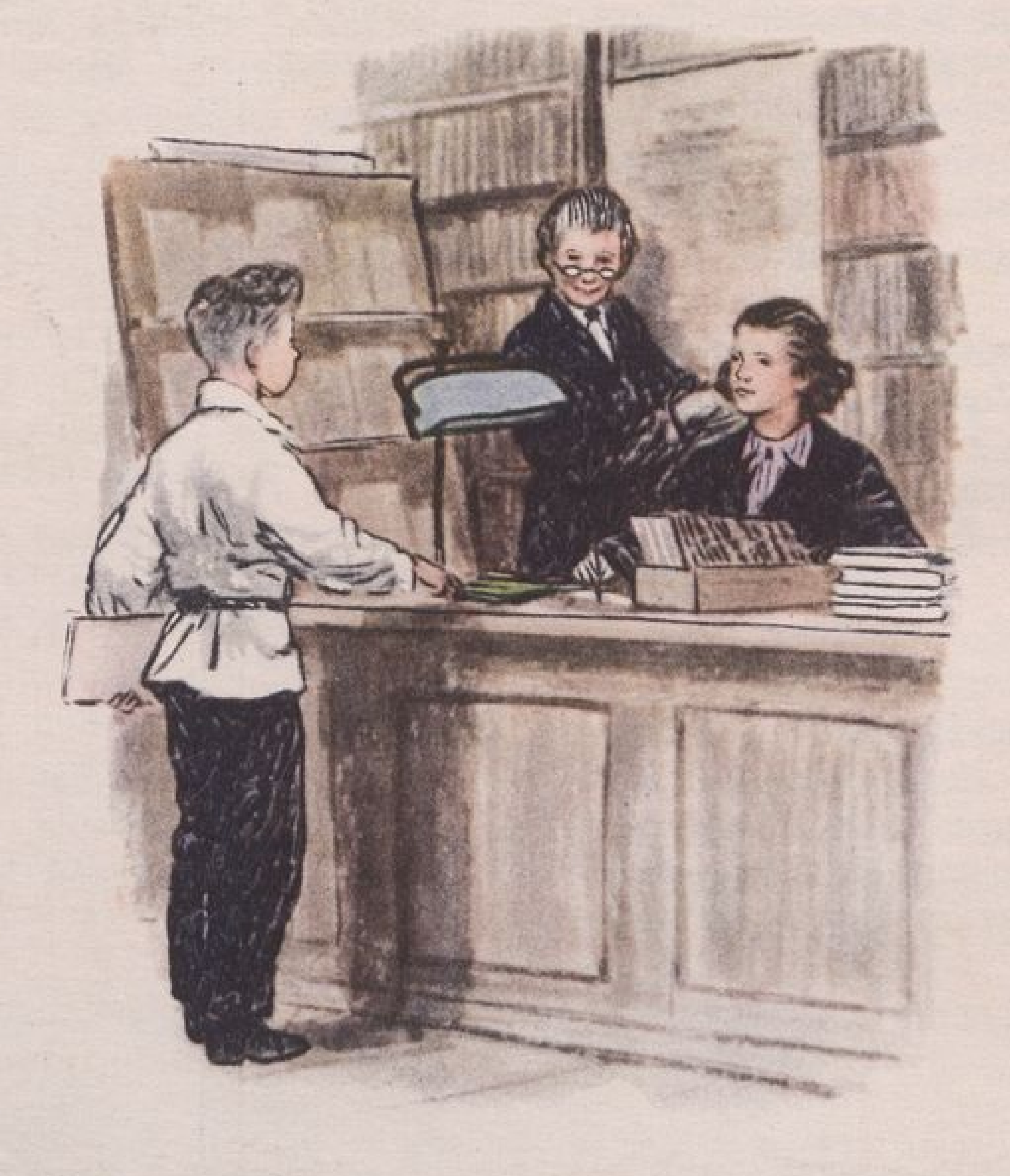
Увидел Чапаев Митю и спрашивает:

— Как, Митя, прочёл свою книгу?

— Нет, товарищ Чапаев, не пришлось... — грустно ответил Митя.

— Что так?

— В обозе была книжка. Белые угнали подводу вместе с книгой.

— Значит, в плен попала! — пошутил Чапаев. — Хорошо, что не сам. Книгу полегче достать, чем хорошего бойца. Не тужи, Митя. Кончится война, будешь учиться, все книги твоими станут. За то и воюем, чтобы всем людям хорошо жилось, чтобы все у нас учились и разные книги могли читать.

Кончилась гражданская война. Все люди — и ребята и взрослые — взялись за книги. Стал учиться и Митя. Он учился много, усердно, настойчиво, потому что знал: неграмотные, тёмные люди мало могут принести пользы Советской стране.

И вот однажды пошёл Митя в библиотеку книги менять и видит: лежит на столе какая-то книжка в зелёном переплёте. Сердце у него дрогнуло. Неужели, неужели та самая?

— Мне бы вот эту книгу, — попросил Митя у библиотекарши. Та ему подала. И увидел Митя на зелёном переплёте знакомые слова, золотыми буквами написанные: «Приключения благородного рыцаря Робин Гуда».

Тут вспомнилось Мите всё: как по этой книжке он буквы учил, как под дождём в окопах читал, как плакал, когда книжка в плен попала, и как утешал его товарищ Чапаев, любимый и геройский командир. «Не тужи, Митя, — говорил он. — Кончится война, все книги твоими станут...»

Всё так и сбылось: любую книжку теперь мог прочесть Митя. И эту прочёл до конца. Только не так уж теперь понравилась Мите книга, потому что успел он прочесть много других, куда интереснее и лучше, чем эта — про благородного и храброго рыцаря Робин Гуда.

НАША АЛЁНУШКА

МАРГАРИТА АГАШИНА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

1

— Скоро семь часов утра, —
говорит Алёнка. —
Ну, теперь уже пора
разбудить ребёнка!

Ну-ка, доченька, вставай,
одеваться давай!

Вот как дочку наряжу —
красный бантик завяжу,
причешу ребёнка!
Где у нас гребёнка?

2

Начала Алёнка
вышивать цыплёнка.
Тихо села в уголок,
завязала узелок.

Жёлтой ниткой — пушок,
красной ниткой — гребешок.

— Смешная ты, Алёнка!
Да разве у цыплёнка
бывает гребешок?

Алёнка засмеялась,
но сразу догадалась.

— А это не цыплёнок,
а взрослый петушок!

Ни одной минутки
у нас свободной нет:
это ведь не шутки —
самой варить обед!

Хорошенько надо мыть
мясо и картошку,
лист лавровый положить,
посолить немножко.

Это вот второе,
оно ещё сырое.

А на первое — лапшу;
в гости Мишку приглашу!

...До чего же хороша
у Алёнушки лапша!
Если хочешь, кушай с нами,
сколько требует душа!

РАДУГА

Л. ВОРОНКОВА

Перед вечером прошёл дождь. Быстрый весёлый дождик прошёл, и снова засияло солнышко. Заблестели мокрые листья на деревьях. Засверкали искорки на мокрой траве. Засмеялись под солнышком светлые лужицы. А над лесом, и над лугом, и над широкой улицей встала в небе высокая радуга.

Ребятишки выбежали на улицу и стали смотреть на радугу.

— Вот как много на ней разных полосок! — сказал Федя.

А Вася сосчитал и ответил:

— И всего только семь.

— Нет, — сказал Федя, — там всякие полоски есть. Там их много-премного!

Но Вася сосчитал ещё раз — красная, лиловая, синяя, голубая, зелёная, жёлтая, оранжевая. И ответил:

— И всё-таки всего-навсего — семь.

— А смотри как, — сказал Федя, — радуга одним концом в лесу стоит, а другим концом из реки воду пьёт. Вот бы подойти к ней да руками бы её потрогать!

— Что выдумал! — усмехнулся Вася. А сам подумал: «А что, если и правда радуга из реки воду пьёт?»

И сказал:

— Ну, пойдём на реку, посмотрим.

Ребята побежали на реку. Но пока бежали по большому лугу до речного берега, радуга на небе становилась всё бледнее, бледнее... Гасли её разноцветные полосы, таяли в синем небе...

Добежали ребятишки до реки, посмотрели на небо, а радуги уж и нет. Вся погасла, вся растаяла. Федя чуть не заплакал.

— Вот если бы прибежали пораньше, то радугу руками потрогали бы!

— Ладно, не плачь, — сказал Вася, — может, завтра опять радуга будет.

На другой день Федя всё посматривал на небо: не появится ли радуга? Но мать сказала ему:

— Не жди, сынок, сегодня радуги не будет. Радуга бывает после дождя. А сегодня день жаркий, воздух сухой. Нет в воздухе дождевых капель, и не на чем солнышку поиграть. Не из чего сделать ему дугу-радугу. Подожди, когда снова дождик пойдёт и солнышко радугу сделает.

— Ладно, подожду, — согласился Федя. И подумал: уж тогда-то он обязательно до радуги добежит и руками её потрогает!

ПЕСЕНКА ПРО ЛЕС

М. ЛЕВАШОВ

Золотые листья
Полетели вниз,
У рябины кисти
Соком налились.

Красная брусника
Бусами горит.
— Наклонись, сорви-ка! —
Тихо говорит.

Все сюда, ребята!
Гляньте под дубок —
Просятся опята
Прямо в кузовок.

Есть грибы, орехи, —
Всем богат наш край!
Ну-ка, без помехи
В короб собирай!

Рис. Е. РАЧЁВА

Ребята, к какой русской народной сказке нарисована эта картинка?

ВЯЗ

В. СЕРПУХОВА

В городском саду росло старое дерево с кособокими листьями. Под деревом стояла скамейка. На этой скамейке в жаркий летний день сидели две девочки.

Старшая читала младшей стихи Некрасова про крестьянских детей:

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей...

Подул ветер, и на колени к старшей девочке упало крылатое бурое семя.

Она перестала читать и сказала сестре:

— Посмотри, какие семечки у этого дерева!

— Это дерево — липа?—спросила младшая.

— Нет, не липа. Это какое-то другое дерево.

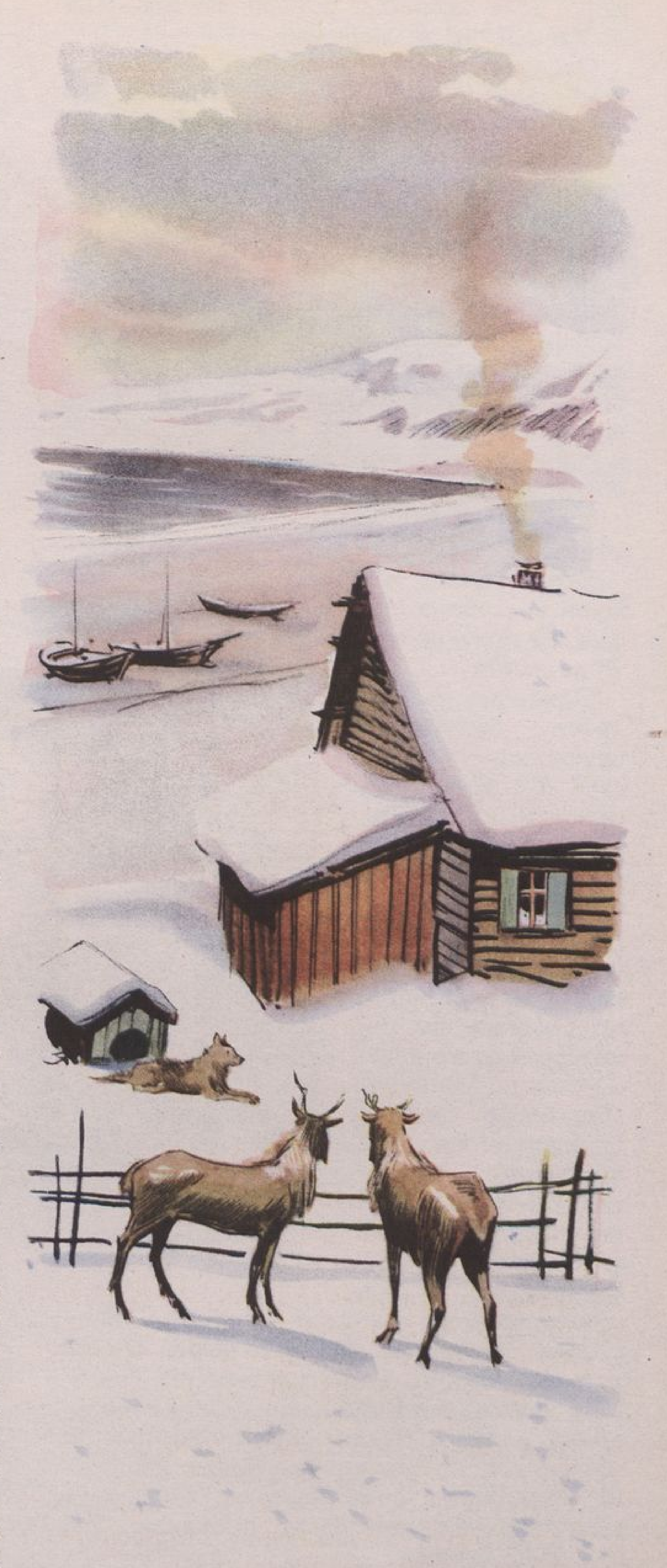
— А какое другое?

Старшая не знала.

А дерево было то самое, про которое она только что читала своей сестрёнке, — девочки сидели под старым вязом.

БУЯН

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ *Рис. В. БОГАТКИНА*

Далеко на севере, у самого Ледовитого океана, жил со своей семьёй рыбак Андрей Батурин. Жену Андрея Батурина звали Марьей Ивановной, а сынишку — Колькой.

Дом Батуриных стоял на высоком берегу морского залива, среди маленьких карликовых берёзок, больше похожих на кусты, чем на деревья. Возле дома в собачьей конуре жила лайка — собака по прозвищу Буян. А ещё подальше, за берёзками, за изгородью, в небольшом загоне бегали два оленёнка — Алёшка и Митька. Очень хорошие были оленята, у них уже маленькие рога росли. Буян этих оленят сторожил, чтобы не залезли к ним в загон волки или белые медведи.

Дальний север — суровый и холодный край. Потому там и деревья такие маленькие и не растут в вышину и толщину. Маленькому, гибкому деревцу легче спрятаться под снегом от злого северного ветра и мороза.

Зато люди на севере живут большие и сильные. Слабому человеку на севере жить трудно. И собаки — товарищи человека — там сильные, ко всему привыкшие, к холоду и к голоду. Только они неприветливые и суровые с виду, северные собаки. Такой уж у них характер образовался от неприветливой природы. Шерсть у них жесткая и густая, как у волков, и морды такие же, волчьи, и не особенно добрые.

Андрей Батурин не так давно переселился на север и не успел привыкнуть к северным собачьим повадкам. Он даже обижался иногда на Буяна. Не было видно в собаке горячей радостной любви к человеку. Исправно и хмуро нёс Буян свою собачью службу: ходил на охоту, сторожил оленей, зимой катал на санках маленького Кольку. А потом, отработав. что положено ему хозяином, садился у своей конуры и смотрел на снег или на

море. И к хозяевам больше не лез — ни за лаской, ни за любовью.

Оленята Алёшка и Митька — те сами прибегали на двор, когда по утрам их выпускали из загона, бодаться «понарошку» с маленьким Колькой. Прибегут и стучат рогами под окнами: «Выходи, Колька, играть». Стук-стук-стук!

В доме ещё жил сибирский котище Пунька — продажная душа, так он из-за лишнего куска мяса урчал два часа и показывал фокусы: прыгал через верёвочку и катался по полу. Буян был не такой. Буян был гордый. Андрей Батурин бывало погладит его по жёсткой шерсти и спросит: «Ну что ты, Буян, молчишь и молчишь? Скажи что-нибудь хорошее!» А Буян встанет и уйдёт.

Все думали, что Буян — собака дикая и никого на свете не любит.

Однажды с Андреем Батуриным случилось несчастье. Во время жестокого шторма рухнула мачта на рыбацкой шхуне и придавила Андрея. На берег его вынесли без сознания. Но ещё в море товарищи рыбаки по радио сообщили о несчастье на Большую Советскую землю. Одновременно с подходом к берегу потрёпанной шхуны на воду в заливе опустилась большая летающая лодка, присланная из далёкого города за Батуриным. Через час она уже снова поднялась в воздух с Батуриным на борту. В большом далёком городе знаменитые врачи должны были спасти рыбака от смерти. Жена Батурина, Марья Ивановна, осталась в доме одна с маленьким сынишкой. Так им было тоскливо! Так она беспокоилась!

Рано утром на следующий день Марья Ивановна пошла и привела в дом Буяна. «Живи хоть ты пока с нами», — сказала она и заплакала.

У пустой кровати хозяина Буян постоял недолго, понюхал зачем-то одеяло на кровати и старые сапоги под кроватью. Котище Пунька подлетел было, зафыркал и зашипел на собаку: «Уходи, мол, отсюда, дворняга, пока цел», но Буян спокойно отодвинул ошалелого Пуньку в сторону своей большой мохнатой лапой и прошёл дальше, в столовую. Кот от такого сурового с собой обращения присмирел и, от греха подальше, отправился на кухню, а Буян лёг в столовой в углу, рядом с игрушечным Колькиным медвежонком, и пролежал так до вечера. С тех пор только ночью Буян жил на улице и сторожил дом и загон с оленятами. Днём он сидел дома в комнатах и ждал, когда вернётся хозяин.

Тем временем в большом городе, в больнице, врачи-хирурги сделали Андрею Батурину трудную операцию, и он стал поправляться от своего увечья. Сначала об этом пришла телеграмма от главного больничного врача, а потом и сам Андрей написал жене и сыну письмо. Это письмо было запечатано в синем крепком конверте, на котором Андрей Батурин так и написал: «Марии Батуриной и сыну моему Николаю». Маленький Колька играл в это время во дворе, и Марья Ивановна, не распечатывая, положила письмо на стол и побежала за сыном. Она хотела обязательно вместе с ним прочесть это письмо. Так они условились раньше. Если придёт письмо — читать вдвоём.

Когда они оба прибежали со двора домой, Марья Ивановна так и ахнула: письма на столе не было. В углу, возле кровати Батурина, лежал Буян. Между лапами он зажимал синий конверт и, склонив голову набок, обнюхивал его так и этак. Собаки, оказывается, тоже могут читать письма, только по-своему. Буян даже не двинулся с места, когда в комнату вбежали Марья Ивановна и Колька.

— Отдай, — сказал Колька нерешительно. — Это письмо нам от папы, а не тебе.

Колька протянул руку, Буян зарычал чуть слышно, и Колька руку отдёрнул. Для верности, чтобы письмо у него не отняли, пёс положил на конверт свою тяжёлую волчью голову и закрыл глаза. Так он пролежал минуту или две. А потом опять тихонько зарычал на Кольку: «Не подходи!»

Марья Ивановна с удивлением глядела на собаку. «Так вот, значит, какой он, Буян, который никого не любит!»

— Пёс! — сказала она ласково. — Милый, хороший, добрый пёс! Дай нам, пожалуйста, прочесть письмо. Мы ведь тоже любим твоего хозяина.

Буян разжал лапы и перестал рычать. И она взяла письмо.

Так все узнали, что сердитый и неприветливый Буян сильно и нежно любил своего хозяина Андрея Батурина.

Это ведь совсем не обязательно: когда любишь — говорить об этом любимому человеку по сто раз в день.

На обложке — рисунок Н. Шеберстова

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать девятый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А02590 Подписано к печати 4/VIII 1953 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 325 000 экз. Заказ 1441

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

